

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2+130.12

Л. К. Круглова

КОНЦЕПТЫ «ЖИЗНЬ КУЛЬТУРЫ» И «КУЛЬТУРА ЖИЗНИ»: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Статья посвящена выявлению потенциала концептов «жизнь культуры» и «культура жизни». Показано, что наибольшие возможности имеет антропологический подход, с позиций которого жизнь культуры предстаёт как процесс, а культура жизни — как степень развития сущностных сил человека. Помимо культурологического подхода, рассматривается подход с позиций социокультурной антропоэкологии, задачей которой является обоснование единых принципов взаимодействия человека с природой, обществом, культурой. В качестве таковых рассматриваются гармония, любовь, творческое деяние. Таким образом, жизнь культуры предстаёт как процесс, а культура жизни — как результат применения этих принципов. В статье ставится вопрос о значении образов прошлого, настоящего и будущего в культуре. Делается вывод, что благоприятное течение жизни культуры и высокий уровень культуры жизни возможны по формуле: славное прошлое — счастливое настоящее — светлое будущее. Библиогр. 22 назв.

Ключевые слова: жизнь культуры, культура жизни, антропологический подход, социокультурная антропоэкология, гармония, любовь, творческое деяние, образы прошлого, образы настоящего, образы будущего.

L. K. Kruglova

“LIFE OF CULTURE” AND “CULTURE OF LIFE” CONCEPTS AND THEIR METHODOLOGICAL AND HEURISTIC POTENTIAL

The article deals with identification of potential of “life of culture” and “culture of life» concepts and their methodological and heuristic potential. It is validated that the largest potential is offered by an anthropological approach viewing life of culture as a process, while holding culture of life to be a degree of development of man’s essential forces. It is suggested that culturological approach be supplemented by a study in the context of sociocultural anthropoecology, whose task is to substantiate fundamental values of man’s interaction with nature, society, culture. Regarded as such are harmony, love, creative deeds. Accordingly, life of culture is shown to be a process, and culture of life, the result of applying those values. The article raises the question of importance of images of the past, present and future times in culture. It is concluded that a beneficial course of life of culture and a high level of culture of life are possible following the formula “a glorious past — a happy present — a bright future”. Refs 22.

Keywords: life of culture, culture of life, anthropological approach, sociocultural anthropoecology, harmony, love, creative deeds, images of the past, images of the present, images of the future.

Круглова Лариса Константиновна — доктор философских наук, профессор, Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О.Макарова, Российская Федерация, 198035, Санкт-Петербург, Двинская ул., 5; lkkruglova@gmail.com

Kruglova Larisa K. — Doctor of Philosophy, Professor, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, 5, Dvinskaya ul., St. Petersburg, 198035, Russian Federation; lkkruglova@gmail.com

Перспективы развития культурологии, как и любой другой науки, определяются наличием эффективных инструментов научного исследования. Среди них первостепенное значение имеют понятия и концепты. До недавнего времени можно было различить два основных подхода к проблеме их соотношения. Согласно одному из них, термины «понятие» и «концепт» являются тождественными по смыслу, согласно другому, они, напротив, различаются, при этом «понятие» связано с объективностью, объективностью, рассудком, а «концепт» — с субъектностью, субъективностью, интуицией. Соответственно, «доменом» понятий считалась наука, «доменом» концептов — речевая деятельность, коммуникация. В последнее время наметилась тенденция к сближению этих точек зрения: признаётся нетождественность понятия и концепта, но при этом усматривается возможность использования концепта как инструмента научного исследования.

Концепт (от лат. *conceptus* — собрание, восприятие, зачатие) определяется как «акт “схватывания” смыслов вещи (проблемы) в единстве речевого высказывания» [1, с. 306]. Термин «концепт» ввел в философию Пьер Абеляр, построивший на его основе направление философской мысли, получившее название «концептуализм». Его отличительная черта заключалась в том, что «акцент делался не на понятие, имеющее объективный, обще- и однозначный характер, а на выявление смыслов, что позволяло считать концепт речью самой вещи» [2, с. 307]. Как отмечает С. С. Неретина, «в Новое время, характеризующееся научным способом познания, концепт полностью был замещён понятием как наиболее адекватным постижением истинности вещи, представленной как объект и не требующей обсуждения» [1, с. 307]. Однако на разнообразных формах «схватывания» обращали внимание и Кант, и позднее Шеллинг, что говорило о недостаточности понятийного осмысления действительности и необходимости дополнения его «концептуальным», «схватывающим» осмыслением.

В XX в. идеи концепта прослеживаются у М. М. Бахтина, В. С. Библера, в постмодернистской философии, в частности у Ж. Делёза и Ф. Гваттари. При этом, как отмечает С. С. Неретина, Делёз и Гваттари «не столько разъясняют различие между понятием и концептом... сколько подчёркивают недостаточность понятия и вскрывают моменты, где понятие перерастает само себя» [1, с. 307].

В этих словах, как представляется, выявлен главный отличительный признак концепта — он всегда «больше понятия» и, соответственно, богаче смыслом. Он нужен там и тогда, где и когда понятие, в силу разных причин, не в силах передать существенные стороны изучаемого объекта.

Это в полной мере относится к культурологии, предмет которой — культура — представляет собой причудливое переплетение субъектного и субъективного с объектным и объективным. Для того чтобы усмотреть в этом сплетении некую структурную определённую тенденцию развития и т. п., необходима не только рассудочная деятельность, но и «схватывание», результатом которого и является концепт. Методологический и эвристический потенциал концепта определяется возможностями решения на его основе тех или иных проблем конкретной науки.

В данной статье мы попытаемся выявить возможности решения ряда ключевых культурологических проблем на основе концептов «жизнь культуры» и «культура жизни».

На первый взгляд словосочетания «жизнь культуры» и «культура жизни» — оксюморон (в буквальном переводе — остроумная глупость), т. е. сочетание несоче-

таемого, поскольку жизнь — это нечто естественное, а культура, при любом толковании этого понятия, — нечто искусственное. Однако при более внимательном анализе можно усмотреть в словосочетаниях «жизнь культуры» и «культура жизни» смысловые признаки концепта: в первом из них «схвачен» такой момент, как процессуальность культуры, ее развёрнутость во времени, а во втором «схватывается» её пространственная протяженность и вместе с тем её внутренний динамизм, «заряженность», что позволяет ей разворачиваться во времени. Этот динамизм отмечен в исследованиях и докторской диссертации Е. М. Лысенко [3], относящихся к числу редких работ по тематике «культура жизни». Концепт «жизнь культуры» и его соотношение и связь с концептом «культура жизни» до сих пор не привлекли к себе внимания исследователей.

Следуя дальше по пути выявления методологического и эвристического потенциала концептов «жизнь культуры» и «культура жизни», необходимо соотнести их с основными современными подходами к определению культуры. Заметим, что многие культурологи считают вопрос об основных подходах давно решённым, школьным, он вызывает у них лишь скуку и раздражение — однако при этом они тихо и настойчиво придерживаются определенного подхода, не замечая или игнорируя все остальные. Нам же, чтобы оценить и осмыслить сравнительно новые или просто новые концепты, каковыми являются «жизнь культуры» и «культура жизни», совершенно необходимо посмотреть, как они функционируют в рамках тех или иных подходов к определению культуры, что заодно позволит в очередной раз обратиться к проблеме методологического и эвристического потенциала самих этих подходов.

Представляется, что в качестве основных подходов к определению понятия «культура» можно рассматривать эвристический, аксиологический, семиотический, деятельностный (технологический), функциональный и антропологический подходы.

С точки зрения *эвристического подхода* культура есть творчество. Соответственно, жизнь культуры в этом контексте предстает как процесс творчества, а культура жизни — как насыщенность жизни творчеством. Однако при этом остаются вне поля зрения такие аспекты жизни культуры, как усвоение ранее созданного, повторение, следование определенным образцам и правилам. Таким образом, жизнь культуры и культура жизни в рамках эвристического подхода предстают существенно обедненными.

С позиций *аксиологического подхода* культура есть совокупность духовных и материальных ценностей. Представляется, что в этом контексте концепт «жизнь культуры» теряет свою методологическую и эвристическую эффективность, поскольку «жизнь ценностей» — это не просто оксюморон, а полная бессмыслица. Здесь остро ощущается необходимость дополнения аксиологического подхода другими подходами. Что же касается концепта «культура жизни», то он вполне может существовать в контексте аксиологического подхода. В этом случае смысл, который «схватывается» этим концептом, заключается в том, что культура жизни определяется ценностями. Однако вопрос о том, по каким законам формируются системы, иерархии ценностей и их содержание, остаётся открытым.

С точки зрения *семиотического подхода* культура — это знаково-символическая система, т. е. система знаков, кодов, шифров и т. д. Представляется, что с этих позиций концепт «жизнь культуры», как и в предыдущем случае, обесмысливается, а концепт «культура жизни» получает весьма скудное смысловое наполнение.

С точки зрения «функционального» подхода культура — это внебиологически выработанный способ человеческой жизнедеятельности. Свою конкретизацию этот подход нашел в деятельностном подходе, с позиций которого культура — это совокупность способов и результатов человеческой деятельности. В этом контексте концепты «жизнь культуры» и «культура жизни» приобретают несравненно большую смысловую наполненность, нежели в предыдущих случаях. Так, «жизнь культуры» предстает как развертывающийся во времени процесс человеческой деятельности, а «культура жизни» — как культура человеческой деятельности. Однако вопрос о критерии, по которому можно определить уровень культуры жизни, сравнить между собой разные культуры, в рамках данного подхода не находит ответа, и, следовательно, эвристический и методологический потенциал концептов «жизнь культуры» и «культура жизни» остается нераскрытым.

Представляется, что ответить на вопросы, не поддающиеся решению с помощью вышеозначенных подходов, можно с позиций *антропологического подхода* в той его трактовке, при которой культура определяется как способ саморазвития человека. Развернутое определение и пути его использования для решения всех основных вопросов теории культуры предложены в работах автора этих строк, где культура определяется как исторически сложившаяся «система способов и результатов развития сущностных сил человека, функционирующая в целях удовлетворения потребностей общества, отдельных социальных групп и личности» [4, с. 155]. С этих позиций жизнь культуры предстает как разворачивающийся во времени процесс развития сущностных сил человека, а культура жизни — как степень развития сущностных сил человека.

Более полная реализация методологического и эвристического потенциала концептов «жизнь культуры» и «культура жизни» невозможна без конкретизации содержания концепта «сущностные силы человека». В качестве исходного тезиса здесь можно принять идею принципиальной двойственности человека. Двойственность является основополагающим принципом устройства человеческого существа, вне этой двойственности нет человека. Человек представляет собой единство различных противоположных начал, таких как:

- телесное и духовное («тело» и «дух»);
- рациональное и эмоциональное («ум» и «сердце»);
- объектное и субъектное («тварное» и «творческое»);
- индивидуальное и универсальное («микрокосм» и «макркосм»; «я» и «универсум»; «я» и «род»);
- общественное и личное («наше» и «мое», эгоизм и коллективизм);
- биологическое и социальное («животное» и «личность»).

Каждая из этих категорий обозначает сущностное свойство («силу») человека, находящееся в отношениях противоречия с другим, противоположным ему свойством. Каждое конкретное общество на каждом конкретном этапе своего развития имеет определенные потребности и возможности развития этих сущностных сил человека. Используя механизмы культуры, общество стимулирует одни силы, блокирует другие, вызывает к жизни третьи, не существовавшие ранее.

С этих позиций жизнь культуры предстает как процесс возрастания разнообразия сущностных сил человека, разнообразия способов решения антропологических противоречий культуры, а культура жизни — как реальные достижения на этом пути.

Таким образом, с позиций антропологического подхода основное смысловое содержание концептов «жизнь культуры» и «культура жизни» связано с человеческой жизнью. Но жизнь человека, как и любого другого организма, возможна только за счет взаимодействия с окружающей средой. Элементами среды жизнеобитания человека являются природа, общество, культура. В связи с этим становится ясно, что для реализации методологического и эвристического потенциала концептов «жизнь культуры» и «культура жизни» недостаточно одного только культурологического подхода. Гораздо большие возможности даёт подход с позиций *социокультурной антропозологии*. Эта дисциплина в настоящее время находится в стадии становления. В концептуальном виде она представлена в работах автора этих строк [5–7], однако до сих пор не получила отклика со стороны научной общественности и продолжает существовать в рамках отдельных, не связанных между собой дисциплин, среди которых — экология, экология человека, социальная экология, экология культуры [8], экологическая эстетика [9–11] и т. д. В данной статье мы делаем попытку ещё раз обратить внимание на эвристические и методологические возможности социокультурной антропозологии как единой дисциплины.

Предмет социокультурной антропозологии — законы структуры, функционирования и развития экосистемы, элементами которой являются человек, природа, общество, культура. Если экология — это наука о взаимодействии организмов со средой, то социокультурная антропозология призвана изучать взаимодействие каждого из входящих в социокультурную экосистему элементов с системой в целом и с каждым из других элементов этой системы. Важнейшей задачей социокультурной антропозологии как науки является обоснование единых принципов взаимодействия человека со всеми элементами среды его жизнеобитания — природой, обществом и культурой. В качестве таких принципов, как показано в работах автора этих строк, можно рассматривать гармонию, любовь и творческое деяние.

Принцип *гармонии* в данном контексте трактуется как мировоззренческая основа жизнедеятельности человека. При этом необходимо уйти от банального понимания гармонии как некоей равновесности, одинаковости и рассматривать гармонию как структурное свойство объекта, признаком которого является многообразие в единстве.

Гармония является одной из фундаментальных категорий мировой культуры. Само слово «гармония» древние греки употребляли в значении «скрепы»: так, у Гомера Одиссей, строя корабль, обивает его «гвоздями» и «гармониями» [12, с. 36]. Отсюда следует, что категория «гармония», как и многие другие категории становящейся античной культуры, происходила из практики и адекватной ей формы рефлексии — здравого смысла, согласно которому гармоничным называлось то, в чём разнообразные части были хорошо «скреплены», благодаря чему получалось единое целое.

Эти идеи получили развитие в античном учении о гармонии сфер (музыке сфер). В древнем пифагореизме «гармония сфер... имела глубокий этический, эстетический и эсхатологический смысл, поскольку “душа” тоже мыслилась как гармония, изоморфная гармонии космоса» [13, с. 483]. Как отмечает В. С. Лебедев, идея гармонии сфер входила в широкий круг концепций, не связанных с астрономией и нашедших себе место в древневосточных традициях — «халдейской», египетской и особенно китайской. Кроме того, представления о гармонии сфер имели успех у поэтов всех веков — от Скифина Теосского до Шекспира («Венецианский купец»), Гёте (пролог к «Фаусту»), романтиков и А. А. Блока («звездный хор») [13, с. 483].

Идея разнообразия в единстве как признака гармонии является одной из фундаментальных идей русской культурфилософии. Выдающаяся роль в её обосновании принадлежит К. Н. Леонтьеву. «Высшее развитие по-нашему (т.е. по фактам естествознания) состоит из наибольшей сложности с наибольшим единством», — говорил он [14, с. 358]. И далее: «Замечательно, что с этим определением развития в природе соответствует и основная мысль эстетики: единство в разнообразии, так называемая гармония» [14, с. 483]. При этом особенно настойчиво К. Н. Леонтьев подчеркивал, что «гармония не есть мирный унисон, а плодотворная, чреватая творчеством по временам и жесткая борьба» [15, с. 205].

Любовь, как и гармония, принадлежит к числу фундаментальных категорий мировой культуры [16]. Рассматривать её в качестве одного из принципов социокультурной антропоэкологии позволяет то обстоятельство, что любовь является энергетической базой человеческой жизнедеятельности, обеспечивающей эффективность взаимодействия человека со всеми элементами среды его жизнеобитания. Как справедливо подчеркивает Р. Г. Апресян, «любовь всегда выступает целестремительной и соединительной силой» [17, с. 464]. Свидетельства осознания этого факта, по крайней мере, в русской культуре, мы встречаем на каждом шагу, они зафиксированы в таких понятиях, как «любимая земля», «любимая страна», «любимый город» и т. д.

Наконец, третий принцип социокультурной антропоэкологии — *творческое деяние* — это то, в чем принципы гармонии и любви находят свое реальное воплощение. Творчество, так же как гармония и любовь, принадлежит к числу фундаментальных категорий мировой культуры [18, с. 18–20; 19, с. 20–21]. Важно подчеркнуть, что принцип творческого деяния заостряет внимание на необходимости внесения творческого момента во все виды человеческой деятельности.

Нетрудно заметить, что принципы гармонии, любви и творческого деяния имеют прямое отношение к содержанию концептов «жизнь культуры» и «культура жизни». «Жизнь культуры» предстает с этих позиций как процесс воплощения принципов гармонии, любви и творческого деяния, «культура жизни» определяется полнотой воплощения этих принципов в деятельности человека и её результатах. В первую очередь, это находит выражение в полноте и разнообразии развития сущностных сил человека на интегративной основе творческого характера всей его деятельности, т.е. в формировании гармонически развитого человека, что является одновременно и способом решения проблемы человеческой индивидуальности. На это обратил внимание ещё В. Гумбольдт, который рассматривал развитие всех человеческих сил в их разнообразии и единстве как внутреннюю основу человеческой индивидуальности, высшую форму её проявления, усматривая в глубине и своеобразии способов укоренения человека в действительности [20, с. 179; 21, с. 17].

Ещё одна возможность реализации методологического и эвристического потенциала концептов «жизнь культуры» и «культура жизни» открывается с позиций анализа жизни культуры как процесса, протекающего во времени, т.е. от прошлого — через настоящее — к будущему. В связи с этим встаёт вопрос о значении образов прошлого, настоящего и будущего в культуре и их отношении к культуре жизни. Анализ эмпирического материала показывает, что образы прошлого, настоящего и будущего являются неотъемлемым элементом любой культуры, на любом этапе её развития. Они могут иметь стимулирующее, организующее, мобилизующее, вдохновляющее или, наоборот, дезорганизующее, расслабляющее влияние на чело-

века как на субъекта культуры и объекта культурного воздействия. В этом смысле их можно рассматривать как мощные инструменты культуры, использование которых — как, впрочем, и любого другого инструмента — может иметь самые разные, в том числе диаметрально противоположные, последствия.

Если с этой точки зрения проанализировать жизнь культуры современного российского общества, то можно отчётливо увидеть, что она строится по формуле «темное прошлое — тоскливое настоящее — туманное будущее» (Три Т). Это мягкий вариант. Более грубый, но тем не менее широко используемый вариант этой же формулы: «кровавое прошлое» — «кошмарное настоящее» — «катастрофическое будущее» (Три К). Нет нужды говорить, что такие образы прошлого, настоящего и будущего лишают человека энергетической основы его деятельности, в связи с чем его реальная жизнь и её реальные перспективы приобретают остро негативный характер.

Здесь уместно вспомнить об опытах американского антрополога Дэвида Рейнольдса, профессора Университета Южной Каролины. В научных целях он решил стать пациентом психбольницы. Для этого ему пришлось научиться испытывать депрессию. «Её можно добиться, если сидеть сгорбясь на стуле, опустив голову. Повторять снова и снова: “Я пропал. Никто мне не поможет. Надежды нет. Всё потеряно. Это конец!” Качайте головой, плачьте, одним словом, изображайте депрессию, и она не замедлит явиться» [22, с. 397].

Представляется, что благоприятное течение жизни культуры — а следовательно, и человеческой жизни, и жизни того или иного сообщества — а следовательно, и высокий уровень культуры жизни возможны по формуле: «славное прошлое» — «счастливое настоящее» — «светлое будущее» (Три С). Поскольку образы прошлого и образы настоящего — это идеальные конструкции, наибольшие трудности будут связаны с образом настоящего: здесь наиболее сильна связь с реальностью, которая может оказывать сопротивление конструированию идеального образа. Для того чтобы избежать этого, следует обратиться к принципам социокультурной антропологии, о которых шла речь ранее. Жизнь, построенная в соответствии с принципами любви, гармонии и творческого деяния, сама по себе и сама из себя продуцирует счастливое настоящее и тем самым, при помощи образов славного прошлого и светлого будущего, обеспечивает высокую культуру жизни.

Подводя итоги, следует отметить, что концепты «жизнь культуры» и «культура жизни» в контексте антропологического подхода к пониманию культуры имеют мощный методологический потенциал, который требует своего дальнейшего раскрытия. Использование данных концептов может придать новый импульс разработке тех проблем, которые уже привлекли внимание исследователей, но изучались на другой методологической основе. В результате может образоваться новое направление исследований, включающее в себя такие, например, темы, как «Культура повседневности как жизнь культуры и культура жизни», «Искусство и культура жизни», «Дача как феномен российской культуры», «Культура человеческих отношений как жизнь культуры и культура жизни», «Трудовая деятельность как жизнь культуры и культура жизни», «Общественная деятельность как жизнь культуры и культура жизни». Отдельным направлением может стать исследование жизни культуры и культуры жизни в локальном измерении, т. е. в отдельно взятом месте — городе, деревне, поселке и т. д.

В заключение можно сделать вывод, что концепты «жизнь культуры» и «культура жизни» в значительной мере обогащают методологический арсенал культурологии, способствуя дальнейшей разработке уже поставленных проблем и открывая новые пути и направления исследований.

Литература

1. *Неретина С. С.* Концепт // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 306–307.
2. *Неретина С. С.* Концептуализм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 307–308.
3. *Лысенко Е. М.* Субъектная динамика культуры жизни: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саратов: СГУ, 2007. 45 с.
4. *Круглова Л. К.* Культурология. СПб.: СПГУВК, 2008. 502 с.
5. *Круглова Л. К.* Социокультурная антропоэкология. СПб.: СПГУВК, 2000. 75 с.
6. *Круглова Л. К.* Человек — Природа — Общество — Культура: социокультурная антропоэкология. СПб.: ГУМРФ, 2013. 118 с.
7. *Круглова Л. К.* Человек — Природа — Общество — Культура: социокультурная антропоэкология. Саарбрюкен: Palmarium academic publishing, 2013. 127 с.
8. *Устюгова Е. Н.* Экология культуры: грани проблемы // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 17. 2013. Вып. 3. С. 64–69.
9. *Прозерский В. В.* Экологическая эстетика на рубеже столетий: выбор концептуального пути // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 17. 2013. Вып. 3. С. 22–27.
10. *Радеев А. Е.* Концепт территории и его значение для философии и эстетики // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 17. 2013. Вып. 3. С. 29–34.
11. *Акиндинова Т. А.* Образ природы в творчестве И.-В. Гёте и его значение для экологической эстетики // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 17. 2013. Вып. 3. С. 58–63.
12. *Лосев А. Ф., Шестаков В. П.* История эстетических категорий. М.: Искусство, 1965. 374 с.
13. *Лебедев А. В.* Гармония сфер // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2010. С. 483.
14. *Леонтьев К. Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. М.: ЭКСМО, 2007. С. 333–405.
15. *Леонтьев К. Н.* Византизм и Славянство // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. М.: ЭКСМО, 2007. С. 127–237.
16. *Философия любви: в 2 ч. / под общ. ред. Д. П. Горского.* М.: Политиздат, 1990. Ч. 1. 510 с.; Ч. 2. 605 с.
17. *Апресян Р. Г.* Любовь // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2010. С. 464–466.
18. *Бескова И. А., Касавин И. Т.* Творчество // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2010. С. 18–20.
19. *Яценко Л. В.* Творчество // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2010. С. 20–21.
20. *Круглова Л. К.* В. Гумбольдт и антропологический принцип в культурологии // Культурологические чтения: Научно-теоретический альманах. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 178–180.
21. *Осипов И. Д.* Идея правового государства в европейской философии // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 17. 2013. Вып. 3. С. 12–20.
22. *Бугаев А. Ф.* Глобальная экология: концептуальные основы. Киев: Изд-во СПД Павленко, 2010. 496 с.

Статья поступила в редакцию 11 декабря 2013 г.